

АВТОРСКИЕ ВОСПОМИНАНИЯ О ВАЖНЫХ СОБЫТИЯХ ЖИЗНИ

Аннотация. Воспоминания известного писателя, этнографа, фольклориста, агиографа и коллекционера Геннадия Петровича Дурасова включают в себя эскизы важнейших эпизодов жизни, связанных с его научно-исследовательской и коллекционной деятельностью. Описаны тесные связи с Рублевским музеем, коллективом его реставраторов в 1970-е – 1980-е годы, переданы экспедиционная атмосфера тех лет, множество важных встреч и знакомств, включение автора в реставрационную и коллекционную деятельность, неожиданное освоение новых профессий и навыков. Отдельная тема – судьба архивов, домашних коллекций, понимание важности коллекционной деятельности. Автор не случайно видит себя музееведом, об этом говорят его теснейшие творческие связи с отдельными музеями страны в Каргополе, Архангельске, Москве, его плодотворное участие в деятельности Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры как лектора, корреспондента, практика.

Ключевые слова: Всероссийское общество охраны памятников истории и культуры, Музей древнерусского искусства имени Андрея Рублева, издательство «Молодая гвардия», Товарищество русских художников, журнал «Златоуст», переплетное дело, Вадим Васильевич Кириченко, Галина Анатольевна Беляева-Лоренц, Борис Александрович Васильев, Гали Владимировна Алферова, митрополит Сурожский Антоний, архиепископ Андрей (князь Ухтомский), старец Савватий Оршинский, этнографическая деятельность, коллекционирование православных рукописей.

Ссылка при цитировании: Дурасов Г. П. Авторские воспоминания о важных событиях жизни // Традиции и современность. 2022. № 30. С. 88–99.

Дурасов Геннадий Петрович (Durasov Gennadij Petrovich) – историк, специалист по русской народной культуре, директор Народного музея схимонахини Макарии (Артемьевой) в с. Темкино Смоленской обл., ovm1965@list.ru

Научный православный журнал «Традиции и современность». 2022. № 30. С. 88–99

ISSN 2687-1122; ISSN 2687-119X || <http://naukapravoroslavie.ru>

УДК – 929; 091; ББК – 71.1; 74.24; <https://doi.org/10.33876/2687-119X/2022-30/88-99>

В 1971 г. на пограничной станции при проверке багажа в чемодане одного из иностранцев была обнаружена старинная икона. Совсем небольшого размера, всего-то 25,5 на 21,3 см. На ней был кованный серебряный оклад XVIII в. Тускло поблескивавший металл почти полностью скрывал иконописное изображение.

Икону передали Музею древнерусского искусства имени Андрея Рублева. Здесь с нее осторожно сняли оклад. Под многовековым слоем старой олифы с трудом можно было различить черты редчайшего иконографического сюжета, скорее похожего на клеймо большой житийной иконы. Раскрытие этой удивительной сохранности иконы было поручено опытному реставратору Ирине Васильевне Ватагиной. А за ее изучение берется тогда еще молодой искусствовед Валерий Николаевич Сергеев.

Уже с первых раскрытых из-под темной от времени олифы фрагментов стало понятно, что икона эта древняя, середины XVI в., то есть ей более четырехсот лет. А когда она была раскрыта полностью, то стало очевидно, что второй такой иконы нигде в мире больше нет. И эта единственная на белом свете древняя икона могла бы исчезнуть бесследно! Но кто был на ней изображен? Почему на иконе он без нимба? И откуда происходит эта дивная икона? На все эти вопросы должен был найти ответ искусствовед Валерий Сергеев.

Его внимание привлек невиданный прежде иконописный сюжет. Струящаяся прохладой река, за рекой, среди деревьев, землянка с деревянными сенями, при входе в нее вдохновенно молящийся на коленях старый монах. Его руки простерты к кресту. Большой крест в деревянной ограде стоит в расселине, между двумя горками. В древности такие кресты ставили на месте будущего монастыря.

Хорошо сохранившаяся надпись полууставом шла по верху иконы с двух сторон от креста. Валерий Николаевич давно изучал подобные надписи на иконах. А здесь она настолько подробно раскрывает содержание иконы: «Старец Саватей преподобный молится образу честного и животворящего креста Господня живуще в горе на реце (на реке. – Г. Д.) Орьшине на брезе (на берегу. – Г. Д.) ныне монастырь зовом въ его имя Саватева пустыня».

Кто же такой Савватий, живший на реке Орше, и почему он без нимба вокруг головы, как это было принято при изображении святых? И В. Н. Сергеев садится за изучение исследований русских историков. Оказалось, что родился Савватий в XIV столетии в Твери. В молодом возрасте он ушел от городской суеты, принял постриг и подвизался в Оршинском Вознесенском монастыре. В 1380-х годах получает благословение Тверского епископа Арсения и отправляется в Иерусалим. Несколько лет прожи-

Преподобный Савватий Оршинский

вет Савватий среди палестинских пустынников. Изучив там пустынное житие, вновь возвратится на берег Орши, где решил искать строгого иноческого подвига и перейти к пустынному жительству.

Он удалился к востоку от Твери в глухой лес на двенадцать верст, ископал небольшую пещеру, в которой молился о спасении людских душ. Долго проживет он здесь в полном одиночестве, будет изнурять себя строгим постом и воздержанием и носить на теле тяжелые железные вериги весом около двадцати пяти килограммов.

Слава о духовных подвигах монаха разлетелась по местным монастырям, и к его пещерке приходили за духовным советом, благословением и молитвенной помощью даже известные в то время тверские подвижники. Многие из приходивших желали остаться рядом с ним и пользоваться его духовным руководством. Для них он основал Савватиеву пустынь, которая жила по Иерусалимскому уставу, славилась строгостью и святостью правил. А сам проживет он в своей пещерке сорок четыре года и прославится чудесами. Скончался он в 1434 г. Открытые в 1483 г. мощи почивали под спудом в монастыре. Тогда, в конце XV столетия, о нем помнили, как о выдающемся подвижнике. Все это узнает исследователь из дореволюционных книг. Но сведений о церковном его прославлении так и не обнаружит.

Исследователь решает поехать на то место, где подвизался Савватий. Он находит небольшое село

Савватьево с рекой Оршей, поросшей по берегам кустарником. Местные жители еще помнили о человеке, чье имя носит их село, а ведь прошло уже более пятисот лет. Над его могилой когда-то стояла церковь, но от нее остался лишь фундамент. Невдалеке находилась и пещера Савватия. А вот основанный им в XVIII в. монастырь был упразднен и стал сельским приходом. И чудом спасенная, изученная В. Н. Сергеевым икона прежде хранилась в Сретенской церкви села Савватьево.

Сретенский храм в с. Савватьево
взорван в 1930-е годы

Валерий Сергеев узнает, что прежде было здесь пять изображений старца Савватия: два на шитых покрывах с его гробницы и три иконных изображения. Не один день Валерий Николаевич искал в Савватьево следы этих других изображений старца, но не нашел. А через год в Москве обнаружилась еще одна из икон старца Савватия. В начале 1960-х годов ее вывез один коллекционер. Но по своей сохранности и художественной ценности ее никак нельзя сравнить с удивительной по красоте музейной иконой.

* * *

В тот день я смотрел на древний Спасо-Андроников монастырь с реки Яузы. Видел его, словно таинственный, описанный Иоанном Богословом град, стоящий высоко на горе. Белизна его стен слепила глаза, и мне почему-то хотелось плакать от радости.

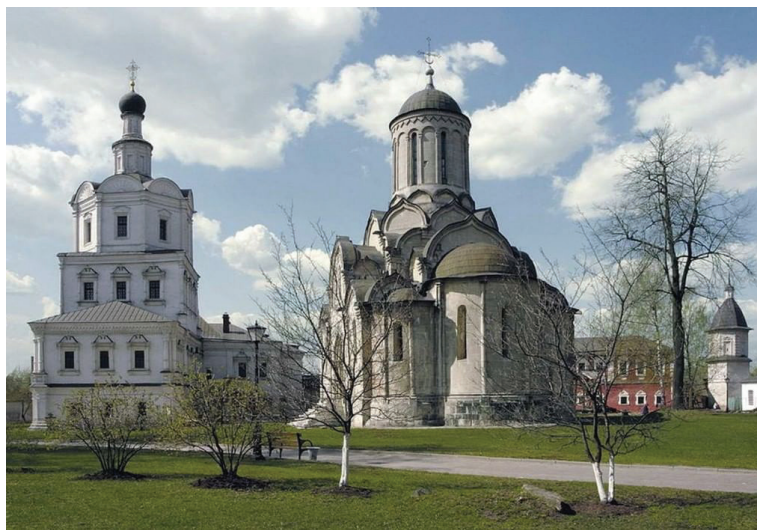
Работал я тогда на небольшом теплоходе, который толкал длинную баржу с москворецким песком. Его добывали со дна Москвы-реки, в районе Серебряного бора, и выгружали на береговой склад. Так бы и отработали мы со штурманом свою суточную смену, если б по рации не прозвучал приказ диспетчера: «Следуйте в устье Яузы, будете участвовать в киносъемках».

Утром следующего дня с «Мосфильма» приехала вереница машин. Режиссер объяснял, как грациозно надо проследовать теплоходу мимо монастыря. По

сценарию это должна быть «Ракета», но здесь она сядет на мель. А у меня смена кончилась. Вахту сдал, вахту принял. Но пошел я не домой, а к вершине горы, на которой красовался Андроников монастырь. Низкие монастырские стены с башнями по углам, решетчатые, с узором, врата. А рядом табличка: оказалось, что в стенах древней монашеской обители теперь находится Музей древнерусского искусства имени Андрея Рублева.

То было время, когда многие зачитывались книгой Владимира Солоухина «Черные доски». Писатель рассказывал, как ездил по владимирским проселкам и собирал в заброшенных церквях старинные иконы. Книга была написана так увлекательно, что художники, любители русской старины, да и просто увлеченные красотой Древней Руси люди,

прочитав ее, ехали в деревни к родственникам, а то в Карелию или на Русский Север в надежде обрести какое-нибудь сокровище древнерусской живописи.

Вид на храмы Спасо-Андронникова монастыря.
Храм Архистратига Михаила (слева) и Спасский собор

Именно тогда в городе Коврове на Владимирщинской гостеприимная тетя Поля, много пострадавшая от властей за веру, рассказала мне такую историю. Ломали в городе старинный купеческий дом. В одной из комнат обнаружили нишу. Разобрали кирпичную кладку, а там большая почерневшая от времени икона Богородицы. Образ с трудом проглядывался. Перевернули икону – там старинные красные печати.

Рабочие стали предлагать старушкам купить икону. Выложить бы тем, не скупясь, деньги мужикам, да и забрать немедля явленный образ. А старушки разглядывать да гадать стали, что за Матушка-заступница изображена, да кто в этом доме прежде жил, да... Рассуждали вслух: щелоком или содой отмывать ее придется. У мужиков терпение кончилось, святой образ они заперли в сарае и пошли дальше разбирать стены.

Я несколько раз переспрашивал у тети Поли подробности об обретенной иконе, чтоб в точности рассказать эту историю где-нибудь в музее. И вот совершенно случайно я очутился в самом главном музее русских икон. Конечно же, сама Пресвятая Богородица привела меня сюда, решил я тогда.

Долго ходил я в тот день по залам Музея имени Андрея Рублева. И все смотрел и смотрел развешанные по стенам иконы. Никогда в жизни не видел столько духовной и художественной красоты. Какие же счастливые люди здесь работают, от чистого сердца позавидовал им.

Сам я тогда немного писал масляными красками. Посмотрел, как работают настоящие художники С. А. Зверев (1912–1979) и Н. С. Морозов (1924–2012), оба они учились у великого П. Д. Корина (1892–1967).

А встретился с ними в 1965 г. на теплоходе. Я проходил плавательскую практику, перед тем как стать штурманом, а они, получив бесплатную каюту, путешествовали на нашем «Нарыне» по каналу имени Москвы, Волге и Каме и писали этюды. У них-то и учился я тогда разбираться в живописи и работать кистью.

Ходил и смотрел иконы, а душа моя словно замирала от увиденного. Я даже чуть не забыл, что мне надо рассказать кому-нибудь о ковровской находке. И направился прямо к директору.

Галина Анатольевна Беляева-Лоренц приветливо встретила и, внимательно выслушав мой рассказ, направила к главному хранителю Вадиму Васильевичу Кириченко. Внешне похожий на иеромонаха или священника, с большой чер-

ной окладистой бородой и добрым взглядом, он внимательно слушал, не перебивая.

По-видимому, Пресвятая Богородица решила полностью изменить мой образ жизни и через созерцание святых икон привести меня в церковь. А я ведь тогда был еще некрещеным, да к тому же был увлечен романтикой... революции. В главных архивах страны и в музеях собирал сведения о революционном подполье Кронштадта. Лично знал видных революционных деятелей Балтфлота и даже начал писать о них книгу.

С той поры, как бы в заслугу за такой интерес, я посещал в музее все выставки и лекции, стал входить в здание музейных фондов, а затем был допущен и к книжному богатству, хранящемуся в библиотеке.

К музейной жизни меня влекло со школьной скамьи. В Государственном историческом музее был кабинет школьника. Многие ребята, и я с ними, ходили на занятия в археологический кружок, который вели видные ученые. Нас пускали в фонды, где хранились древние находки. Приглашали и на научные конференции, проходившие в музее. А затем на целый месяц мы поехали на настоящие археологические раскопки в рязанские края копать неолитическую стоянку. И с Рублевским музеем и его сотрудниками судьба меня свяжет на долгие и самые счастливые годы моей жизни. Здесь же впервые получу я в подарок небольшого формата Библию, и мне помогут негласно принять святое крещение.

Это сегодня в Центральном музее древнерусской культуры и искусства имени Андрея Рублева большой штат сотрудников, и все они чем-то похожи друг на друга. А в 1960-е – 1970-е годы их было

Научные сотрудники Музея древнерусского искусства им. Андрея Рублева: слева направо: И. В. Ватагина – реставратор и иконописец; К. Г. Тихомирова – реставратор, искусствовед, иконописец; В. В. Кириченко – главный хранитель; А. А. Салтыков – искусствовед; М. Д. Семиз – библиотекарь; В. Н. Сергеев

совсем немного (если не ошибаюсь, всего человек двадцать, и половина из них – технические работники). Но каждый был личностью и подвижником, и все они очень любили свой музей.

Однажды на закупку принесли дивный древний покров с мощей святого, а денег на покупку не было. Тогда одна из сотрудниц, жившая на свою небольшую зарплату, заработала реставрацией необходимой сумму и приобрела покров в дар музею. Общение с этими удивительными и самоотверженными людьми, а затем и дружба с ними, сыграли главную роль в моем духовном возрастании и становлении личности.

Свои университеты я проходил в стенах Музея древнерусского искусства имени Андрея Рублева. В музейной библиотеке, по договоренности с моей крёстной, Миленой Душановой Семиз, я выбирал интересующие меня, чаще растрепанные книги, переплетал их и читал. Мне посчастливилось общаться с главным хранителем музея Вадимом Васильевичем Кириченко, с искусствоведами Александром Александровичем Салтыковым и, конечно, с Валерием Николаевичем Сергеевым, который был увлеченным исследователем, талантливым лектором и впоследствии писателем. В здании фондов музея, где главенствовал Вадим Васильевич, на первом этаже был большой круглый стол. За этим столом В. В. Кириченко кормил небогатую музейную братию. Придя на работу, на лестничной клетке ставил на плитку кастрюлю и творил нехитрую похлебку, крупяной кулеш или кашу. Потом заваривал травяной чай из зверобоя и мяты, звал всех к столу. Кто приносил батон хлеба, кто баночку домашнего варенья, а кто и шоколадку.

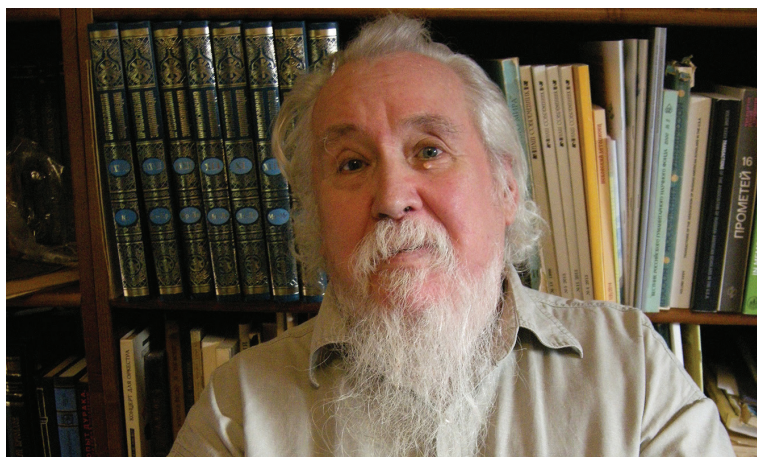
За столом собирались главный хранитель и реставраторы, научные сотрудники, самые близкие к музею люди, а иногда и почетные гости. Здесь я познакомился с приезжавшим из Парижа выдающимся русским иконописцем Леонидом Александровичем Успенским (1902–1987), которому непременно хотел показать тогда написанные мною небольшие иконы. Встречался здесь и с прибывшим из Лондона митрополитом Сурожским Антонием (1914–2003), со многими российскими исследователями древнерусской живописи и духовенством.

Удивительно благородно и мудро поступала в подобных случаях, заведя в служебном помещении «чужих» людей, директор музея Галина Анатольевна Беляева-Лоренц. Помню, войдя однажды «в

фонды», она увидела человек пятнадцать, сидящих за столом и беседующих с митрополитом, который вещал по зарубежному радио на весь мир. Тогда Галина Александровна сказала: «Простите». И вышла.

Помню, когда Вадим Васильевич решил перейти служить из музея в церковь простым псаломщиком, я был очень огорчен. Ведь я так полюбил здание фондов Рублевского музея, знал, где стоит или висит та или иная икона, откуда происходит и каким временем датируется. Вадим Васильевич как-то спросил меня, не хочу ли я быть хранителем. Уходя, он думал предложить директору мою кандидатуру. Но я знал, что образования и знаний, необходимых для работы на столь ответственной должности, у меня попросту нет.

А пока я ходил по воскресеньям на экскурсии по музею со всеми научными сотрудниками, посещал лекции в музейной лектории. Валерий Николаевич Сергеев был на пять лет старше меня, но в его облике все говорило, что он сложившийся человек науки, одно слово – настоящий ученый! Среднего роста, немного полноватый, с открытым лицом, большим лбом и внимательными глазами. Он постоянно носил очки, и они придавали ему еще большую содержательность, а может, и важность.

Валерий Николаевич Сергеев

Валерия Николаевича я запомнил, как увлеченного и удивительно добродушного, доброжелательного человека. Но вместе с тем, будучи человеком остроумным, он мог сказать собеседнику, не по злому умыслу, конечно, что-то и колкое. Так, увидев на территории музея тогда художника-графика, а впоследствии иконописца Леонида Курзенкова с большой иконой, завернутой в одеяло, он спросил: «Что, еще что-то испорченное принес?». Сказал так, имея в виду любительскую расчистку икон их владельцами, портящими произведения древнерусских мастеров.

Из научных сотрудников музея он был наиболее одаренным лектором, общение с которым запомнилось всем надолго. Особенно молодым посетительницам музея, которые просто восхищались им. Об иконописи он говорил вроде бы просто, но давал слушателю огромную, прежде неведомую ему перспективу. Он учил внимательно рассматривать икону, рассказывал о языке древнерусской живописи, стилях, школах, технике самой живописи, о ее содержании. И я понимал, что в иконописном изображении нет ничего случайного, все имеет свой смысл и значение, как, например, у святого белые энергичные черточки – движки, пробела, золотые или серебряные линии ассиста (штрихи из сусального золота или серебра на складках одежд, крыльях ангелов).

Это сегодня мы можем достать из своего книжного шкафа «Новую скрижаль», чтобы узнать символику православного храма, самого богослужения, священных облачений и сосудов. Но в те времена об этом говорить было не положено. А В. Н. Сергеев находил форму, как донести эту церковную символику до нашего сознания. Иконы после бесед и его лекций я воспринимал не только как зримое изображение священной истории, а, в первую очередь, как богословие в красках.

При музее был организован лекторий, билеты в который было не так просто приобрести. Всем хотелось попасть именно на лекции Валерия Николаевича Сергеева. Свои лекции читал он и в обществе «Знание», и во Всероссийском обществе охраны памятников истории и культуры. Там его лекции посещали художники и искусствоведы, философы и филологи, литераторы и кинорежиссеры, и, конечно, студенты. Места там было значительно больше, чем в стенах музея, но и здесь все подоконники и проходы были заняты слушателями. Шутили, что свободно бывает разве что на люстрах.

В 1979 г. я освоил еще и переплетное дело. И в свободное от работы время переплетал все, что попадало мне в руки. Во время своих экспедиционных поездок Вадим Васильевич Кириченко подбирал с пола в разрушенных храмах даже разрозненные грязные листы из богослужебных книг, хоть и были они совсем не старыми. И хранил их до случая в большом кованом сундуке. И этот случай представился ему в моем лице. Он отдавал листы мне, я отмывал их от грязи, благо бумага была тряпичная, толстая. Сушил листы как белье, повесив на веревки. Затем собирал их в тетради и переплетенными раздавал. По этим «книжицам» мои друзья учились читать на церковно-славянском языке.

Что-то приятное хотелось сделать мне в подарок музейным работникам. Нарезал я белую бумагу размером в половину писчего листа, переплел в

красивую «мраморную» бумагу с полдюжины блокнотов. Подарил Вадиму Васильевичу, Александру Александровичу и несколько штук Валерию Николаевичу.

В. Н. Сергеев был вдумчивым ученым. Помню, как в фондах музея он первым стал переписывать в эти блокноты надписи на иконах: с раскрытых страниц Евангелий, со свитков праотцов и пророков, подписи к клеймам житийных икон и надписи на полях образов. Этот богатый материал позволил Валерию Николаевичу прийти к выводу, что надписи можно рассматривать как программу самого живописного произведения.

Особый талант Валерия Сергеева как рассказчика и знатока русской православной культуры ярко выразился в его книге «Рублев», которая вышла в серии «Жизнь замечательных людей». О великом иконописце Древней Руси из исторических источников нам известно совсем немного. Автор же описывает события той поры, которые непременно должны были быть связаны с самим иконописцем, когда создавал он росписи Благовещенского собора Московского Кремля, во владимирском Успенском соборе, в Троице-Сергиевом монастыре, где была написана «в похвалу» преподобного основателя обители икона «Троица». Простым и понятным для широкого круга читателей языком он создает достоверное жизнеописание великого художника Средневековья и объясняет содержание и художественный смысл созданных им икон и фресок. И читатель в итоге понимает, кем был иконописец и чем была в древности сама иконопись.

Изданная в 1981 г. стотысячным тиражом книга В. Н. Сергеева была вскоре переиздана в Болгарии, Италии, Франции. У российского читателя она имела огромный заслуженный успех. Но нет радости без печали, а печали без радости, как говорил древнерусский книжник. Враги православия не дремали. В 1981 г. в журнале «Наука и религия», в трех номерах подряд, появилась разгромная статья, затем последовала череда неприятностей на работе. И Валерию Николаевичу, который уже работал над второй книгой о великом иконописце древности – Дионисии, пришлось уйти из дорогого его сердцу Рублевского музея. А издательство «Молодая гвардия» вынуждено было расторгнуть с ним авторский договор.

В то же самое время в издательстве «Советская Россия» готовилась к печати и моя книга-альбом «Каргополье. Художественные сокровища». В начале 1980-х годов отношение к религии ужесточается, а более половины моей книги посвящено было церквам, иконам, житиям святых. Неужели и ее «завернут»? Дело дошло до заместителя председателя Совета министров Российской Федерации. Вопрос

стоял ребром: или я убираю часть материала, посвященного церковной тематике, или книга вообще не увидит свет. Спасло издание лишь то, что печатать планировали в Германии, а заменить книгу было нечем. К скорбящему от ударов судьбы Валерию Николаевичу прихожу со своим альбомом, еще пахнувшим типографской краской, в одной руке и бидоном самых лучших красных каргопольских рыжиков – в другой. Он чуть не подпрыгнул от радости от этого поистине царского подарка и вручил мне своего «Рублева» с дружеской надписью: «Дорогому моему Гене Дурасову с самыми теплыми чувствами и искренними пожеланиями успехов в твоих трудах по изучению нашей народной культуры». И размашисто подписал: «Твой Валерий Сергеев. 1.XI.81 г.».

С легкой руки Валерия Николаевича в 1970-х мне поручили читать цикл лекций о народном искусстве Русского Севера во Всероссийском обществе охраны памятников истории и культуры. Одна из лекций была посвящена замечательной мастерице глиняной игрушки Ульяне Ивановне Бабкиной. «Ты у нас известный “бабкинист”, есть пушкинисты, а теперь появился и “бабкинист”», – шутил В. Н. Сергеев.

И когда в издательстве «Молодая гвардия» было решено выпустить книгу для патриотического воспитания молодежи под названием «Отчий дом», с подачи Валерия Николаевича мне дали задание написать очерк об Ульяне Ивановне и ее творчестве. В аннотации к книге говорилось, что это «сборник статей и очерков видных ученых, художников, писателей-публицистов, журналистов, посвященный проблемам патриотического воспитания молодежи. Книга эта о великом тысячелетнем духовном наследии народа, о нашем сегодняшнем отношении к древним и современным памятникам, об открытиях археологов и реставраторов, о труде фольклористов и искусствоведов». Вот такие нужные книги издавали в те времена для молодых читателей и печатали их большими тиражами.

Журнал «Молодая гвардия» в начале 1980-х годов стал издавать совсем дешевую по цене и удобную для чтения в дороге многотиражную библиотечку книг карманного формата. В одном из первых выпусков, в 1982 г., вышла книга Валерия Николаевича Сергеева «Дорогами старых мастеров», с увлекательными рассказами о музейных экспедициях, в которых бывал он сам.

Главным редактором этой книжной серии при журнале «Молодая гвардия» был один из идеологов русского национального движения писатель Сергей Артамонович Лыкошин (1950–2006). Он приходил как-то на мою лекцию о русском народном ткачестве, и Валерий Николаевич, при встрече, рассказал ему, что я написал об этом виде народного искус-

ства увлекательную книгу. Меня пригласили в издательство с рукописью книги «Запечатленная радуга», Валерий Николаевич написал рецензию, а автором вступительной статьи стала известный ученый, а ныне академик Российской академии художеств Мария Александровна Некрасова. Книга вышла в свет и имела успех.

В марте 1985 г. впервые посетил я выдающуюся православную подвижницу нашего времени схимонахиню Макарию (1926–1993). Жила она неподалеку от родины моих предков, и не раз приезжал к ней первый в мире космонавт, депутат Верховного Совета СССР Юрий Алексеевич Гагарин (1934–1968). И с того первого дня встречи с матушкой Макарией, на протяжении восьми с половиной лет регулярно ездил я к ней за духовным советом. Однажды рассказал о матушке и Валерию Николаевичу. Он очень заинтересовался моим рассказом. Ему тогда было необходимо, чтобы и за него кто-то крепко помолился. Его просьбу я исполнил и просил старицу помолиться за скорбящего Валерия. По ее молитвам Валерию Николаевичу полегчало, он получил от Господа необходимую помощь.

Когда Матушки не стало, я написал о ней книгу «Богом данная». Валерий Николаевич одним из первых прочитал рукопись и предложил опубликовать ее полностью в журнале «Златоуст». Фотографии же матушки Макарии привели его в восторг.

Но увидеть это жизнеописание на страницах «Златоуста» было не суждено. Тогда решился вопрос об издании рукописи отдельной книгой. Валерий Николаевич настоятельно советовал, чтобы я обратился за благословением на публикацию не к Патриарху Алексию II, как предполагалось, а в обязательном порядке к епархиальному архиерею митрополиту Смоленскому Кириллу. И высокопреосвященный Кирилл благословил книгу, наложив на прошение благожелательную резолюцию.

Так не раз пользовался я дружеским советом и помощью Валерия Николаевича Сергеева, зная, что он никогда не откажет, всегда поможет и советом, и делом, как настоящий православный христианин с доброй русской душой.

Помнится, после выхода «Рублева» у Валерия Николаевича появилась возможность купить на полученный гонорар небольшую квартиру в Ростове Великом. И недалеко от Москвы этот древний город, и от дивных его красот дух захватывает. За ним потянулись туда и другие москвичи. Я тоже давно думал о доме в деревне, но на Русском Севере, в Каргополье. Даже полученный мною гонорар лежал в сберкассе города Каргополя на случай покупки. Валерий Николаевич, услышав об этом, подыскал для меня жилье совсем поблизости от него, в самом Ростове Великом. Мне же, по воле Божией, суждено

было обосноваться на Смоленщине, на что я и получил благословение от старицы Макарии.

* * *

В нашей жизни случаются казусы, которые надо уметь правильно, со смирением и мудростью, понять и принять. Об одном из них я и расскажу теперь.

В начале перестройки Товарищество русских художников решило издавать духовно-просветительский журнал «Златоуст». На должность главного редактора пригласили В. Н. Сергеева. И первый, почти трехсотстраничный номер должен был увидеть свет в 1992 г.

Валерий Николаевич пригласил и меня принять участие в работе над журналом, быть членом редколлегии. Зная, что волей судьбы у меня оказалась часть архива Бориса Александровича Васильева, предложил наиболее интересные из материалов с моими предисловиями опубликовать в ближайших номерах «Златоуста». В результате всего вышла просто детективная история, и о ней необходимо рассказать подробнее.

Борис Александрович Васильев (1899–1976) жил в соседнем подъезде моего дома. Встретившись на улице или у него дома, я мог долго поговорить с ним, ведь был он удивительно интересным собеседником. Его облик дышал благородством и одухотворенностью, лицо его будто светилось. Седовласый, высокий, с величественной осанкой, в белом чесучовом костюме, с тростью в руке, он проходил по нашему двору, а встречавшиеся на его пути люди долго провожали Бориса Александровича взглядом.

Не раз мы говорили с ним о древнерусской иконе. На его столе была удивительная двусторонняя икона-таблетка XVI в. с «Распятием» и «Положением во гроб», доставшаяся ему от бабушки-старообрядки. Однажды с гордостью я показал ему перепечатанную мною на пишущей машинке и переплетенную рукопись книги священника и ученого о. Павла Флоренского (1882–1937) «Иконостас». Начал переписывать ее от руки в библиотеке музея Рублева. Но Валерий Николаевич Сергеев, пожалев меня, дал домой свой экземпляр, пояснив, что эта книга должна быть у каждого исследователя иконописи на рабочем столе.

Борис Александрович долго листал мой экземпляр, а затем пообещал исправить в нем закрававшиеся ошибки и вставить, где было необходимо, греческие слова. Тогда я не мог и предположить, что мой собеседник в совершенстве владел несколькими иностранными языками, лично знал автора «Иконостаса». Сам он был не только ученым-этнографом и исследователем творчества А. С. Пушкина. Лишь позже узнаю, что он издал в Париже, в издательстве «ИМКА-ПРЕСС», книгу о московском старце о. Алексее Мечеве (1859–1923). Что писал он

и историю Русской Православной Церкви послереволюционного периода. А сам являлся еще и тайным священником тайной «катакомбной церкви», за что в 1925 г. был посажен на несколько лет в Бутырскую тюрьму, а затем сослан в Северный край, в Шенкурск. Пойму, что был он не только подлинным светским и духовным ученым, но и человеком глубокой веры.

В 1976 г. его не стало. Гали Владимировна Алферова (1912–1984), его жена, была большим специалистом в области древнерусской архитектуры и градостроительства. С ней мы дружили и после смерти Бориса Александровича. Тогда она работала

Священник и этнограф
Борис Александрович Васильев

над книгой «Каргополь и Каргополье», а я готовил к изданию в «Советской России» большую книгу-альбом «Каргополье. Художественные сокровища».

Смерть энергичной, волевой Гали Владимировны стала для всех, кто ее знал, полной неожиданностью. Она скончалась в день рассылки автореферата, так что защита ее докторской диссертации «Методы проектирования и строительства русских городов XVI–XVII вв.» так и не состоялась.

Большая часть ценного архива Г. В. Алферовой оказалась утерянной, так как многое «за ненадоб-

ностью» было выброшено наследниками на свалку. Правда, часть материалов мне удалось спасти и переслать в Каргопольский музей, часть копий чертежей древнерусских городов и фотопластинки передал я архитектору Т. Н. Кудрявцевой, часть бумаг – исследователю А. М. Макарову.

Я поинтересовался судьбой архива Бориса Александровича. Мне сказали, что его забрал видный ученый, доктор исторических наук Ярослав Николаевич Щапов (1928–2011). Член-корреспондент АН СССР, он был автором трудов по истории Древней Руси и публикатором источников.

Сверток с карандашной пометкой «о батюшке» достался тогда мне. Это был экземпляр машинописных листов с воспоминаниями духовных чад о московском старце отце Алексее Мечеве. Книга «Московский батюшка», которую я подготавливаю к печати на основании этих еще не публиковавшихся воспоминаний, вышла в свет в 1994 г. в издательстве Московского Даниловского монастыря.

Мне разрешили просмотреть и бумаги, приговоренные к утилизации. В них я нашел незаконченную историю Русской православной церкви после 1917 г., которую писал Б. А. Васильев. Нашел экземпляры изданной впоследствии книги Бориса Александровича «Духовный путь А. С. Пушкина». Были там и замечательные воспоминания об архиепископе Ковровском Афанасии (Сахарове, 1887–1962). Среди фотографий оказалась и та, на которой Борис Александрович запечатлен у гроба многострадального владыки.

С пола подобрал я и письмо с предсмертным карандашным автографом ныне прославленного в лике святых старца Алексея (Мечева) и две его фотографии. Но, наверное, самой важной для истории находкой была школьная тетрадь с надписью «История моего старообрядчества» архиепископа Андрея (князя Ухтомского, 1873–1937).

В своей книге «Жизнь и деятельность архиепископа Андрея (кн. Ухтомского)», увидевшей свет в 1991 г., ее автор М. Л. Зеленоградский напишет, что он «не знаком с первой (тетрадью. – Г. Д.), в которой подробно изложены события “присоединения” владыки к старообрядчеству. До сего времени нам не удалось обнаружить рукописи, и мы, к сожалению, вынуждены пользоваться лишь беглым обзором тогдашних событий во второй части “Истории”, а также тенденциозно изложенными сведениями, исходившими от обновленцев и лагеря митрополита Сергея (Страгородского)».

И как раз текст этой «Первой тетради» обрел я тогда в бумагах Бориса Александровича Васильева. Значение этой находки было трудно переоценить. Она так нужна была для восстановления истины в вопросе о каноничности «присоединения владыки к старообрядчеству».

Эту бесценную находку Валерий Николаевич сразу же решил опубликовать в третьем, готовящемся к печати, номере «Златоуста» и поручил мне написать предисловие.

Известный церковный деятель и писатель конца XIX – начала XX в. архиепископ Андрей (Ухтомский), архиепископ Уфимский и Мензелинский, основатель иерархии «андреевцев», был непримиримым воином Христовым. Он много лет провел в тюремных застенках и был расстрелян в 1937 г.

Владыка Андрей, в миру Александр, происхо-

Архиепископ Андрей (Ухтомский)

дил из древнего княжеского рода Рюриковичей. Однажды во время каникул, вместе с матерью Антониной Федоровной, плыли на волжском пароходе в родовое имение братья Александр и Алексей Ухтомские. На пароходе они встретили великого русского старца Иоанна Кронштадтского (1829–1907). Батюшка долго беседовал с братьями, и они оба приняли решение стать священниками. Уже будучи студентом Московской духовной академии, Александр часто встречался с о. Иоанном и переписывался с ним.

Епископ Уфимский и Мензелинский Андрей
(князь А. А. Ухтомский)

После окончания духовной академии, в 1895 г., он принимает монашеский постриг с именем Андрей и уже в 1907 г. становится викарным епископом Казанской епархии. А в 1913 г. назначается правящим епископом Уфимским и Мензелинским.

Владыка Андрей был большим знатоком церковного устава, искренним ревнителем церковной старины, уставного благолепного богослужения. Аскет и постник, он был прост и доступен для церковного люда и вызывал у него глубокое уважение и безграничное доверие.

Владыка считал, что церковь жива лишь благодаря отдельным беззаветно преданным церковным подвижникам из священнослужителей и мирян, которые с полной самоотдачей посвятили свою жизнь духовно-нравственному подвигу.

После Февральской буржуазной революции 1917 г. он все чаще усматривал в людях духовную опустошенность и всеобщее озлобление. А год спустя отлучил от Святых Христовых Тайн тех, кто разграблял чужое имущество.

В первые годы советской власти он неоднократно подвергался арестам и ссылкам. А в 1923 г. был послан в Среднюю Азию. Через три года возвратился в

Уфу и поселился в рабочем квартале. Весь город был взволнован возвращением своего любимого владыки, и у его жилища много дней подряд выстраивались огромные очереди православного люда.

Владыка Андрей не принял «Декларацию» 1927 г. местоблюстителя патриаршего престола митрополита Сергея о лояльности правящей власти, где радости богоборческой власти митрополитом были названы «нашими радостями». От духовенства требовалось тогда еще и письменное подтверждение лояльности власти.

Архиепископ Андрей (Ухтомский) в ту пору совершает тайные хиротонии епископов и создает «Истинно-православную катакомбную церковь», членом которой становится и Б. А. Васильев, или просто о. Борис. В бумагах его и была обретена первая тетрадь «Истории моего старообрядчества». Эта «катакомбная церковь», не имея официальной регистрации, противостояла официальной Русской Православной Церкви. В 1927 г. владыка был арестован и отсидел подряд несколько сроков. Десять лет спустя его вновь арестовывают и тройка УНКВД приговаривает непокорного святителя к расстрелу.

В 1981 г. Русской Православной Церковью За Границей архиепископ Андрей был причислен к лику святых и почитается верующими Казанской и Уфимской Епархий Русской Православной Церкви. Обо всем этом и было написано в предисловии к готовящейся

Икона священномученика Андрея (Ухтомского)

публикации первой тетради «Истории моего старообрядчества» в журнале «Златоуст». Но журнал после выхода двух номеров прекратил свое существование.

Почему же перестал издаваться первый духовно-просветительский журнал Товарищества русских художников? Все, кто серьезно занимается издательской деятельностью, знают, что одним из главных условий успеха является хорошо налаженное распространение тиражей. Существовала подписка, была сеть «Союзпечати», а некоторые издательства и сами рассылали свою литературу. На крайний случай были «Книготорг», «Академкнига», «Литфонд». Но «Златоусту» с этим не повезло, и тиражи журнала и изданных книг пылились в складском помещении. Были какие-то жалкие попытки торговать журналом в розницу прямо на улице в самом центре Москвы, но время было упущено.

Спустя год или два я просил Валерия Николаевича вернуть ценную для меня папку с документами, но так и не получил ее. Зато в журнале «Мой современник» № 1 за 2007 г. появилась публикация со вступительной статьей некоего А. Знатнова под общим названием «История моего старообрядчества». В предисловии он сообщает, что впервые публикует «сокровенную первую часть наконец-то разысканной нами (то есть им. – Г. Д.) “Истории моего старообрядчества” епископа Андрея. В настоящее время книга владыки Андрея ... готовится к выпуску в свет в московском издательстве “Алгоритм”». А вот где «разыскал» Андрей Викторович эту Первую сокровенную тетрадь, он стыдливо умолчал. Анонсированная же А. В. Знатновым книга в «Алгоритме» так и не появилась. Вскоре за несоответствие занимаемой должности главного редактора этого издательства он был уволен. Зато в 2011 г. увидела свет теперь уже большая, в твердом переплете, добротной изданная книга Михаила Львовича Гринберга «Жизнь и труды архиепископа Андрея (князя Ухтомского)». И «История моего старообрядчества» была в ней напечатана теперь уже полностью.

Но наша почти детективная история еще не была окончена.

Мне позвонила давняя знакомая Ольга Н. Разбирая бумажные залежи в своей квартире, она обнаружила толстую папку с бумагами, а на ее «корочке» значилось мое имя. «Приезжай и забирай свою папку, не то выброшу», – предупредила она меня.

Леонид Александрович Успенский

Обрадовавшись неожиданной находке, срочно еду к ней. На столе лежит моя толстая папка. Торопливо просматриваю ее содержание, но рукописной «Истории моего старообрядчества» в ней нет.

Сын Ольги в 1990-х годах был секретарем у Валерия Николаевича, ему-то я и вручал эту папку в 1992 г. Звоню. Илья в недоумении:

«Все, что мне вернули – в папке», – ответил он.

Помнится, чтобы сделать копию для типографии, рукопись отдавали машинистке.

Но подлинник вместе с отпечатанным текстом забрали.

В заключение скажу, что главное в этой истории все же то, что Первая тетрадь не затерялась, а была даже дважды опубликована! И в данном случае неважно, кто был ее первым публикатором. Конечно, первую часть я отдал бы Михаилу Львовичу Гринбергу, подлинному исследователю жизни и творчества архиепископа Андрея, издавшему в 2011 г. по-настоящему серьезный труд о владыке Андрее.

MEMORIES OF IMPORTANT LIFE EVENTS

Abstract. The memoirs of the famous writer, ethnographer, folklorist, hagiographer and collector Gennady Petrovich Durasov include sketches of the most important episodes of life associated with his research and collection activities. Close ties with the Rublevsky Museum and a team of its restorers in the 1970s–1980s are described, the expeditionary atmosphere of those years, many important meetings and acquaintances, the inclusion of the author in restoration and collection activities, the unexpected acquisition of new professions and skills are conveyed. A separate topic is the fate of archives, home collections, understanding the importance of collecting activities. It is not by chance that the author sees himself as a museologist, this is evidenced by his closest creative ties with individual museums of the country in Kargopol, Arkhangelsk, Moscow, his fruitful participation in the activities of the All-Russian Society for the Protection of Historical and Cultural Monuments as a lecturer, correspondent, and practitioner.

Key words: All-Russian Society for the Protection of Historical and Cultural Monuments, Andrei Rublev Museum of Old Russian Art, Young Guard Publishing House, Association of Russian Artists, Chrysostom magazine, bookbinding, Vadim Kirichenko, Galina Anatolyevna Belyaeva-Lorenz, Boris Alexandrovich Vasiliev, Gali Vladimirovna Alferova, Metropolitan Anthony of Sourozh, Archbishop Andrei (Prince Ukhtomsky), Elder Savvaty of Orsha, ethnographic activity, collecting Orthodox manuscripts.

For citation: Durasov G. P. 2022. MEMORIES OF IMPORTANT LIFE EVENTS. *Tradition and modernity Traditsii i sovremennost*). 30: C. 88–99

